

БЕДЕЕТ ПАРУС

ВСТРЕЧИ
В ПУТИ

Меня задержал в Севастополе один случайно услышанный разговор.

— Это не родственница ли Мариуса Петипа? — спросил я, услышав известную фамилию.

— Родственница, и самая что ни на есть прямая...

...В открытое окно потянуло ветром. С моря, свежим. Впервые за целый день. Встрепенулась уснувшая на апрельской жаре занавеска, и в следующий миг, подхваченная прохладным потоком, забилась белым парусом над Севастополем, над первыми ночными огнями, маяками и кораблями в бухте, словно прилгшими отдохнуть после долгих походов.

Всего только закрыть глаза... И тогда даже время можно повернуть вспять. Днем мы ходили к дельфинам, которые проявили несомненный интерес к нашему визиту. Один из них, чересчур любопытный, даже улыбнулся лукаво, как мне показалось. Не о нем ли рассказывали, странном беглеце из вольера. Свобода была ему не в радость: он не смог без людей и однажды утром приплыл к одному из крымских пляжей. Увидел детей в воде и, безумно обрадовавшись, бросился к ним.

Хозяин дома, старый моряк и севастополец, ничего не слышал о правнучке Петипа, своей землячке. И его приятелю, биологу, забредшему в этот дом на огонек, пришлось рассказать о несколько таинственной женщине, якобы не терпящей журналистов, жаркой спорщице, не щадящей научные авторитеты.

— Идет в биологии своим путем.

Петипа встретила меня взглядом, не сулящим ничего хорошего: опять, мол, работать мешают. И все же беседа состоялась. Сошлись на любви к морю и всякой живности. Петипа рассказывала о питании каких-то неизвестных мне морских обитателей. Рассказывала вроде бы спокойно, но все в большей мере мне казалось, что вокруг нас образовывалась какая-то пустота, а все великое и значимое заключено и живет лишь в ней, этой увлеченной натуре, заставляющей поражаться, казалось бы, самым никчемным, что есть в мире. И жизнь рачков, которыми Тамара Сергеевна занимается, выходила не менее интересной, чем жизнь других обитателей моря. Бывает, вдруг не оторвешь глаз от нерасторопной божьей коровки — ты и букашка, и не замечаешь другого мира. Но он есть, просто ты зачарованная единой его частицей, столь же интересной, как все вокруг: и дельфин, и комар, и светящаяся гнилушка, и молния, и человеческий мозг, и вот эти рачки... Увидеть никому не видимое, увидеть самые первые, са-

мые низшие проявления жизни и через это дойти до чего-то нового в познании мира — это немало.

Балет на этом фоне и вся история рода Петипа куда более привлекательны. Писать о работах Тамары Сергеевны совсем невьиришно. На первый взгляд, в них ничего не поражает, и сто лет назад рассматривали под микроскопом всякую морскую живность. Кругом столько всяких открытий, и вдруг — рачки и их питание. Но эти гномыки морей, которых разве и сравнить только с песчинкой, в тридцать раз больше затрачивают энергии на движение, чем ее могло бы быть в трехмиллиметровом тельце. Как, каким образом путь в семьдесят пять метров эти почти невидимки преодолевают всего за полчаса? Ночью они поднимаются за пищей — водорослями, а потом снова удирают вниз от губительных ультрафиолетовых лучей. И вот она — уже привлекающая практиков сторона: ведь рыба тоже как-то сообразует свои действия с поведением тех, кем она питается. А не зная ничего этого, как же можно осваивать океан?!

— Впрочем, — говорил мне директор Института биологии южных морей В. Н. Грезе, — в соседней лаборатории вам, наверное, будет интереснее — там занимаются дельфинами, меч-рыбами... Вспоминаю, как недоумевал даже один из ученых, когда зашла речь о работах Петипа: «Ересь какая-то, ставить судно на якорь на две недели».

Но она все-таки настоящая, чтобы в море были многоточные станции. Только так можно «выследить» закономерности в жизни обитателей планктона, «выследить», в каких направлениях переносятся различные вещества, полно рассказать об энергетическом кругообороте невидимого глазу мира. В будущем, когда человеку придется самому разводить планктон и морских рыб, чтобы компенсировать нехватку земного белка, труды Петипа обретут особую ценность. Не случайно ее доклад на международном симпозиуме, посвященном изучению морских пищевых цепей, вызвал большой интерес у крупнейших специалистов в этой области.

А поначалу многие в институте пожимали плечами: «Странно, работает много, а кандидатскую никак не делает». Да и директор, как он мне признался, тоже недоумевал, что она так тянет.

Наконец Тамара Сергеевна Петипа уехала в Москву на защиту кандидатской диссертации и... вернулась оттуда доктором биологических наук. Ей сказали такие авторитеты, как член-корреспондент Академии наук СССР В. Г. Богоров, профессор Л. Г. Виноградов, что ее канди-

датская — это хорошая докторская.

А в биологию она не сразу пришла. Училась в Московском энергетическом институте. Пошла туда по настоянию отца, известного строителя элеваторов. Профессия отца была «кочевой», и семья колесила с места на место. Может быть, только поэтому и не стала она балериной. Тамара Сергеевна вдруг как бы по секрету сказала:

— Танцевать любила безумно. В семь лет я ходила на пальчиках без балетных туфель...

Под белым халатом и сейчас угадывается «балетная» фигура. Вот-вот она изготвится к танцу, маленькая и стройная, чтобы порадовать легкостью и изяществом, женщина с короткой стрижкой и темными горячими глазами. Первый раз они загорелись неукротимо, когда доказывала отцу, что не может больше учиться в энергетическом. И ушла со второго курса. На биологическом факультете Ростовского университета раскрылось ее второе призвание.

Любовь к животным привил ей дед — Юлий Мариусович, адвокат по профессии, изобретатель по натуре, большой ценитель и знаток природы. Одно время он жил вместе с ними и постоянно приносил внучке то ежа, то лисенка, то белку. Много рассказывал ей о своем отце и сестре — Марии, известной танцовщице, умершей в Париже, которая воспитала его. Деду Тамара Сергеевна благодарна за то, что нашла себя.

...В ее окне — всегда кусочек моря. Резвятся дельфины, мне кажется, что они приглашают принять участие в их игре. Но, быть может, они и впрямь зовут к себе. Тамара Сергеевна задумчиво глядит на море, хранящее столько загадок. Какое-то белое пятнышко сотрет она. Пусть это будет всего одной страничкой в жизни моря, но для человечества, которое рано или поздно обратит свой взор к океану как пищевому хранилищу, она сберегла годы.

Она была на ладони океана и видела его побережье. Но даже тогда она не забывала про кусочек моря в своем окне. От этого окна она уходила в большие экспедиции, в его свете она читает письма от ученых с мировым именем — из Японии, Канады, Шотландии. И иногда за окном — маяющий парус. В ней до сих пор, хотя она и не признается себе в этом, живет балерина. Белый парус ее детской мечты вновь туго наполнился ветром, когда она чуть переломившимся голосом сказала:

— Балет любила безумно.

А мне хочется сказать:

— Любит...

В. ЧЕРТКОВ.
(Спец. корр. «Правды»)
г. Севастополь.